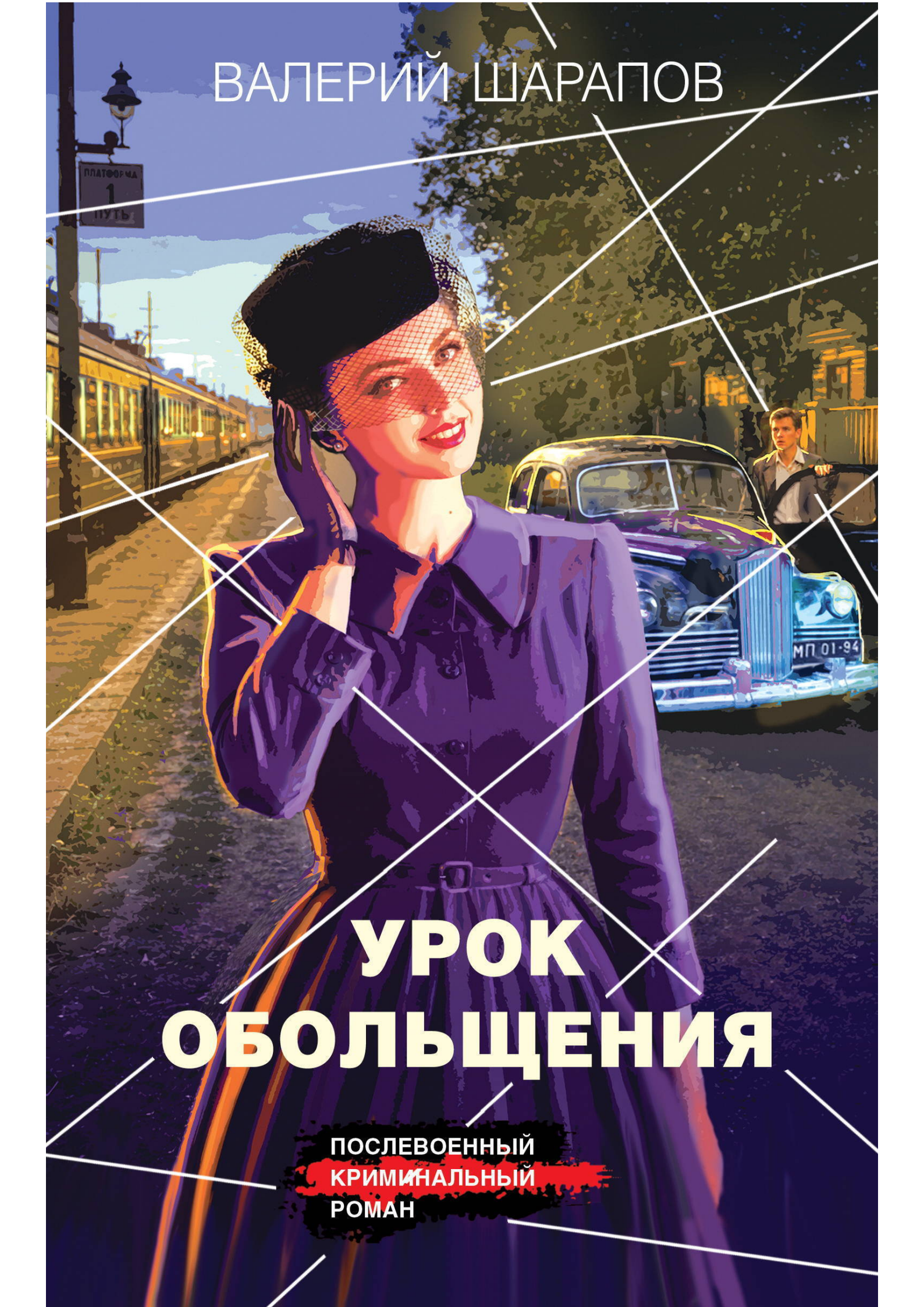

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

УРОК ОБОЛЪЩЕНИЯ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов
Урок обольщения

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Урок обольщения / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман)

ISBN 978-5-04-253259-7

Яшка Канунников по кличке «Пельмень» знакомится в привокзальном буфете с красивой незнакомкой. Та предлагает отметить это событие и угощает незадачливого парня дармовым вином. Очнувшись с разбитой головой в парке, Яшка не находит ни своего бумажника, ни часов... Похожая история случается с известным военкором, который умирает от полученной травмы спустя несколько часов после «свидания». Еще одна жертва — главбух местной фабрики, которому незнакомка «помогла» избавиться от крупной суммы казенных денег. Капитан милиции Сорокин бросает все силы на поиски опасной наводчицы и вскоре выходит на ее след. Но в последний момент выясняется, что задержать ее не так-то просто... Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» — один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая». «В романах Валерия Шарапова настолько ощутимо время, что кажется, еще немного, и ты очутишься среди героев этих книг — невозмутимых следователей, коварных преступников, перепуганных граждан. А отчаянные сыщики примут тебя за своего и немедленно возьмут на очередную опасную операцию...» — Сергей ЗВЕРЕВ, автор боевых романов

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253259-7

© Шарапов В. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерий Шарапов

Урок обольщения

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

«...девки – зло. И ведь как подловила, кобра коварная!»

Это была чистая правда. Подсекли его мастерски, когда окончательно расквасился под жаркими лобзаниями да и растекся по сиденью в кино. Тут-то она, лисица, и вырвала это возмутительное обещание. Он спохватился, попытался ввести поправочку:

– Пивка-то можно.

– Нет.

– Да всего-то кружавчик!

– Нет.

– Да что за?..

– А ты обещал.

«Вот ведьмы! Разведут патоки, а потом – бряк! До конца ведь никогда ничего не выложат, а на тебе, уже обещал!»

Потому вот изволь отправляться в командировку, то есть в дальний путь, в Куйбышев¹, – да на сухую! Само собой, в поезде все пили как верблюды, а в Куйбышеве лезли в глаза ларьки да цистерны. Ох, сколько всего вокруг булькало – ни разу не пробованного и наверняка вкусного, – а шиш, обещал!

Он держался, скрипя зубами, зато вся командировка пошла псу под хвост. То есть «пассажиров» своих сдал, бумажки все оформил, но и только. Канцелярские девчата с разочарованным видом вздыхали: ведь были наслышаны про развеселого паренька, ждали с интересом, – а притащилась кислятина какая-то, тухлый типус, злой и неразговорчивый. Приехал, вывалил, бумажки получил, цедил сквозь губу – кому это понравится? И даже, хам, на рюмку чая не напрашивался, тотчас отвалил в общагу, завалился и ухо подушкой закрыл.

Все, в данном учреждении погибла репутация столичных специалистов.

Он проснулся ни свет ни заря, делать было решительно нечего. Выписался из общаги и битых три часа сидел в привокзальном буфете, с отвращением наливаясь чаем. Да еще дура-буфетчица рывкнула:

– Яков! – Он от неожиданности дернулся и раскокал казенный стакан. Выяснилось, что орали на местного грузчика, а за бой посуды пришлось раскошелиться. Тоже, знаете ли, духа не подняло.

Погрузился в поезд. Вот тут повезло с попутчиками, попались развеселые развеселые речные бичи. Сгоняли в бурю несколько конов, и он повеселел: в кармане прибавилось, и гардеробчик пополнился шикарным макинтошем.

Проигравший речник, видно, широкой и доброй души, половины зубов нет, глаз подбит, сам напялил ему шкуру на плечи, оправил, глянул издали, как на картину. Сказал:

– Еще вот, – и напялил ему промеж ушей... шляпу! Невероятную шляпу, точь-в-точь ковбойскую, только лучше! Кожаную, с дырочками! – Вот теперь жених.

Если бы булькало что внутри, он бы расчувствовался, а в сухом состоянии окрысился еще больше: «Проиграл и радуется, фингал позорный. Налакался из-под стола...»

Никто не лакал под столом, наоборот, предлагали глотнуть – а он свирепо отказывался, сбегал в тамбур, чтобы не соблазняться. Мысли в голове бурлили революционные: «А чей-то ее слово – закон?», «Почему я должен делать то, что говорит она?», «Нашлась принцесса кривоногая...», «Да стоит мне свистнуть!..» и прочее.

Потому так и получилось: на Трех вокзалах он сошел и при деньгах, и при обновках, и готовый хоть сейчас доказать, что на любимой свет не сошелся клином.

¹ Пивная столица СССР в 1950-х гг.

И потому первым делом он принарядился, а плащ, хороший, но поношенный, свернул, перевязав бечевкой. Глядясь в стеклянные двери, сдвинул шляпу, чтобы было вперед и чуть набок, покрутился: макинтош – красота, сидит как влитой.

Королем он проследовал в вокзальный ресторан, плюхнулся к бару, но там и рта не дали раскрыть. Красавица – царица, талия в рюмочку, на пышной прическе белая крахмальная корона – кратко предписала:

– Кыш.

Он попытался покачать права:

– Вы что? Вот деньги, вот паспорт.

– Кыш отсюда, молокосос. Иначе выведут.

– Культура обслуживания у вас, – проворчал он и свалил от греха подальше в буфет.

В буфете людно, народ пьет чай, ест бутерброды, кто почище – бисквиты. За стойкой не наливают, но закрывают глаза на то, что у граждан есть с собой, лакают из-под полы. Он оглядел ассамблею – не, такие к себе не пригласят, да и везде комплект, по три человека.

Пригорюнившись, он пил опостылевший чай и зевал зверски, ибо все-таки устал. Кажется, что морды у всех белые и расплывчатые блины, витают приветственные московские ароматы – креозот, жареные пироги, гуталин...

И тут клевавший нос дрогнул, в ноздри проник невиданный запах, и они зашевелились, как у собаки-ищейки.

Духи. Нет, не «Красная Москва», тройной одеколон, ландыш серебристый или что похуже. Сначала показалось, что это кто-то беломорину потушил в розетке с вареньем, которое уже начало бродить. Сладкое, с гнильцой внутри. И вдруг полыхнуло жаром так, что он отпрянул.

– Свободно?

О как. Да уж, та, что душится такими вещами, от которой несет горечью, сладостью и горячим, церемониться не станет. Она просто встала рядом, опершись локотками о столешницу, и смотрела: на него ли, нет ли – неизвестно, потому как лицо прикрыто вуалью. Блондинка. Шляпка обычная, а вуаль нежная, с черными мушками. Носик длинноват, но все равно красивый, а губы – огонь, точно пила что-то горячее и обожглась.

Пока он соображал, к чему это виденье, она подалась вперед и как бы невзначай распахнула свой плащ. Полыхнуло внезапным жаром, он сглотнул – из-под плаща сияла, подмигивая, бутылка.

Ее хозяйка, чуть улыбаясь, спросила:

– Хочешь?

Он, сглотнув, тотчас выдал чистую правду:

– А то.

«Между прочим, все честно. Командировка уже закончилась, я обещал не пить в командировке, так что можно», – а уже спрашивал:

– Сколько денег?

– Фи, как пошло. Я от души.

И, пока он снова соображал, что к чему, она уже открытым текстом телеграфировала:

– Посидеть под луной. Винца выпить.

И уже по-хозяйски, ни о чем не спрашивая, взяла под руку. А он таким же манером накрыл своей лапой ее пальчики – надо же, и перчатки не нитка галимая, а кожа мягкая – и деловито спросил:

– К тебе?

Она тотчас кокетливо отбрила:

– А вы хам.

– Нет так нет, я на всякий случай. Можно и под луной, кто против. Пошли.

Пошли, само собой, по обоюдному стремлению забирая все дальше от света и людей, и логичным образом оказались в сквере в стороне от вокзала. Темно, тихо, спокойно, ибо поздний вечер, сам скверик на благоустройстве, очень удачно огорожен для интимности заборами. Девушка представила скамейку как старую знакомую:

– Отменная лавочка, – а после этого извлекла из-за ароматной пазухи бутылочку и крайне умело откупорила. И потек по вечернему сырому воздуху сказочный, щемящий, слезу выбивающий запах, мешаясь с ее духами.

– Что же вы?

Он с благоговением принял посуду, удержался от того, чтобы сразу не хлебнуть, из вежливости сказал:

– Твое здоровье.

Жгучая жидкость пролилась огненным потоком, полезла с факелом одновременно вниз к желудку и вверх к мозгам. «Эге-гей», – и он, еще раз хлебнув, протянул-таки новой подруге.

Она отведала аккуратно и повела плечами, точно ежась от холода. Он, спохватившись, снял макинтош, накинул на нее, неизбежно приобняв, снова обалдел от запаха духов и кожи, полез руками. Она отстранилась, усмехаясь:

– Некуда спешить.

– Это кому как.

– А что же, женат?

– Не-а.

– Тогда незачем и... торопиться, – сказала она и чуть запнулась, застеснявшись. Картавила она знатно, и эта крохотная особенность вдруг показалась остро знакомой. Он для верности хлебнул еще раз и потянулся к вуальке – отодвинуть. Она не противилась. Ну и глазница! То ли серые, то ли голубые, чуть с прищуром, ледяные – и все равно мечтательные или задумчивые, точно она тоже пытается что-то припомнить.

«Фартит. Забирает не по-детски», – порадовался он, еще раз выпил, потянул к себе.

Она подалась послушно, глядела в упор, лишь на какой-то малюсенький момент взгляд ее метнулся в сторону, ему за спину. Чуть шевельнулись губы, он угадал скорее, чем услышал:

– Нет.

Но поздно. Взорвалось в затылке, земля ушла из-под ног. Нарастающий самолетный гул в голове – и все.

... – Я же сказала – не надо. Остолоп. На, – она скинула с себя макинтош, протянула подельнику, – сверни как следует, чтобы не светиться.

– Успеется.

Тот обирал деловито, сдернул шляпу, часы с запястья, забрал портсигар, выпотрошил бумажник, собрался было выкинуть документы, но девушка потребовала:

– Дай.

Он протянул:

– Что, знакомый?

– Не твоё дело. – Она изучила паспорт, удостоверение, перевернула бумаги, сказала:

«Хм...», приказала: – Посвети на рожу.

– Не налюбовалась?

– Делай, что говорят. Та-а-ак. Все верни обратно.

– Все?! Часы-то... Швейцария!

Она сжалась:

– Бери, так и быть.

– Портсигар же! Серебро.

– Надписи есть?

Тот проверил, посветив на крышку, присвистнул:

– «Тов. Канунникову. За мужество, проявленное при операции “Сом”». Во как.

– Оставь.

Он подчинился без звука поперек, уточнив:

– А шмотки?

– Вот это можно.

Пока приятель паковал выигранный у речника макинтош, аккуратно, чтобы без заломов, складывал шляпу, девушка распаковала старый плащ и набросила на лежащего.

Подельник пожал плечами:

– Не майся дурью, и так замерзнет.

– Нет, он привычный.

Они ушли, оставив его лежать на скамье, точь-в-точь похож на подгулявшего пьянчугу. Пальцы свесившейся руки дрогнули, медленно сжались, ощупывая землю. Разжались. И снова сжались.

Глава 1

На дворе уже почти ночь, но в гараже время идет иначе, потому что с пользой. Пахнет бензином, железяками, окалиной, маслом – дышать не передышать тому, кто понимает. Колька, закончив со всеми делами (опять в библиотеке полки вприсядку пошли), проводил Олю и поволок Пельменю давным-давно заказанную им детальку, втулку распредвала. Небось пересажали всех Андрюхиных спекулянтов, неоткуда стало дефицит доставать, вот он и попросил помочь.

Пожарский два вечера после работы старался, потом удалось договориться – предоставили печь для закалки. И теперь Колька с тихой гордостью распахнул рогожку и повернул к свету, чтобы красиво сияло...

Пельмень, неблагодарная укосина, буркнул:

– Не то. Не встанет.

– Что – «не то»?! Что ты нарисовал, то я и выточил.

– Ну будя, будя.

Колькина правда, чертить он не умеет, все норовит разъяснить без книжки, на пальцах – и потому часто получается черт-те что. Андрюха сдал назад:

– Да ладно, притрем сейчас, на пару сотых. Где-то пасты малеха оставалось.

И сделал вид, что ищет. Колька тотчас остыл:

– Хорош обезьянничать. Принес я тебе и пасту, как просил.

– Отлично, – Пельмень, открыв банку, вдохнул резкую вонь, вздохнул гурмански, – ох и отличная штука! Откуда берете только.

– Оформляем отношения-заказики, выделяют как положено.

– Угу. – Пельмень выставил чугунную чушку, тяжеленькую, с проточенными канавками, ровно и любовно, как масло на хлебушек, нанес серо-зеленую пасту.

Колька надел втулку на оправку, прижал, начал вращать, плавно, без рывков, восьмеркой, привычно. И придраться было не к чему, но Андрюха старался:

– Поднажми.

Колька беззлобно огрызнулся, нажимая чуть сильнее:

– Не учи ученого.

Работает паста, вылезает по канавкам кашица с металлической пылью. Колька снял детальку:

– Порядок.

– Ну да, ага, – бубнил Пельмень, а сам ветошкой протер, промыл керосином, вставил в блок, крутанул. И заурчал, как пес, довольный костью.

– Сидит? – спросил Пожарский.

– Сидит!

Чуть позже Пельмень влез в кабину, открыл подсос, нажал пару раз на педаль газа и, пробормотав поповское благословение, повернул ключ зажигания. Полуторка чихнула, но тотчас, как бы спохватившись, зарокотала ровно, будто и не болела никогда.

Андрюха заглушил двигатель, спрыгнул с подножки, хлопнул по плечу:

– Славно, славно. С меня причитается.

– Сочтемся. Так, ну что, чайку на посошок? Завтра на работу.

– Проставляюсь, – Пельмень нарезал хлеба, вскрыл консерву, достал сахар, желтоватый, крупный, выставил кружки. К тому времени, как вода в чайнике вскипела, в дверь просунулась Сонька.

Колька поднял в знак приветствия кружку:

– Софии Викторовне.

– Вольно, – разрешила девчонка.

Пельмень, намазывая тушенку на хлеб, спросил:

– Жрать будешь?

Сонька назидательно заметила:

– Грубо и невоспитанно, – и тем не менее бутерброд приняла, взяла полхарча зараз, – но спасибо.

Третьей кружки не было, поэтому Колька предложил пить из своей. Некоторое время чаевничали с сахаром, вытирая пот, выступающий от горячего, отдувались и цыкали зубами. Потом Пельмень, глянув на часы, спохватился:

– Эй, а ты что тут делаешь-то? Мать твоя голову оторвет.

– Не-а, – успокоила Сонька, грызя уже сахар, – я потихоньку. Так, а что я хотела-то... да! Там Анчутка какой-то стукнутый.

Помолчали. Пельмень подбодрил:

– И в чем новость? Он всегда такой.

– Я в прямом смысле. Лежит, охает. Я ему мамиными вонючками голову смазала, но есть такое мнение, что этого мало. Идите сами посмотрите.

...Яшка лежал на койке, стараясь не шевелиться. Голова при каждом движении так болела, что хотелось взвыть и повиснуть на потолке. Придя в себя, он своим ходом добрался до ДПР, сдал все бумаги, отчитался вполне толково – и, дойдя до койки, упал и принялся умирать.

Там, где череп кончался и начиналась шея, было горячо, липко. Яшка осторожно потрогал – шишка огромная, вроде бы корка запеклась. Глянул на руку – чисто, кровь не течет.

Голова теперь и болела, и гудела, как трансформатор, ровно и тяжело, на одной ноте, а сердце отдавалось через зубы прямо в мозги. В глотке было сухо и стоял медный привкус. Яшка кашлянул – и мир тотчас перевернулся кверху дном, потолок поплыл в сторону, стены накренились, как карточки в домике.

Вот когда пожалеешь, что один в комнате. Пить хотелось зверски, но встать никак, он пробовал уже, когда Сонька сунулась помазать чем-то. Надо просто лежать и терпеть, может, отпустит. Яшка повернулся на бок, осторожно, с трудом, боясь спровоцировать новый приступ боли. Подтянул колени к животу, свернулся калачиком. Пот стекал по виску, щекотал разбитую губу. Он слизнул его. Соленый, как кровь.

– Твою ж в бога душу... – Он смолк, закрыл глаза, уткнувшись в несвежую подушку. Больно ругаться.

От двери послышался голос:

– Ох ничего себе.

Яшка с трудом продрал глаза, прошелестел сухими губами:

– Дайте воды, черти.

Осмотрев его, Пельмень со знанием дела констатировал:

– Допрыгался. Надо в больничку.

Яшка, испив водицы, воспрял духом, немедленно развыступался:

– Никуда не поеду! Больничный, и все такое, это не надо. Деньги нужны. Мне отлежаться, и все.

– Тошнит тебя, – напомнил Колька, вытирая пол, – и в глазах у тебя двоится, пальцы видишь, которых нет.

Анчутка сварливо заявил:

– Ты жульничаешь! Показываешь два, а потом третий суешь.

Пельмень заметил, обращаясь к Кольке:

– Треснуто-то от души. Удивительно, как на своих двоих добрался. – И обратился уже к другу: – Где тебя так? В поезде?

– Нет, – буркнул тот, пялясь строго в угол.

– Неужто в Куйбышеве?

– Нет!

– Да ладно. Неужто...

– Все! – свирепо прошипел Анчутка. – Отвали! Об угол стола треснулся!

Пельмень не спорил:

– Ну нет так нет. Я ж чисто для себя, чтоб не ходить там, где такие столы стоят...

Он бесцеремонно повернул бедную Яшкину голову, которую самолично как следует пролил зеленкой, и поставил диагноз:

– ...с кастетами, что ли?

Колька заметил:

– Да ладно. Если кастетом, то каюк был бы.

Андрюха растолковал, со знанием дела:

– Так это как приноровиться. Есть умельцы, оглушать – оглушат, но без мокрухи. Честно – лиха работа. Яшка...

– У!

– Где подловили-то? На что?

– Ничего не скажу, понял? Тебе ничего не скажу.

Это «тебе» Кольке показалось интересным, он и поторопил:

– В самом деле, Андрюха, позвони, может, неотложка приедет? Раз не хочет мальчик в больничку.

Андрюха отправился в кабинет к директору, там был телефон, Колька, прикрыв за ним дверь, вернулся к койке:

– Мне скажешь, что ли?

Яшка заморгал красными глазами, задержался, пытаясь сесть, Колька остановил:

– Ты что, лежи. Ну, что?

Яшка забормотал:

– Да че, так мне и надо. Колька, сдуру Светке пообещал, что пить не стану, – а как без этого?! Я ж бешеный делаюсь, мысли всякие, идеи, тянет на подвиги. И туда, и там, и обратно – и все всухую, что ты! Озверел я...

Тут он слишком резко уронил покаянную голову – и тотчас чуть не помер. Колька едва успел его подхватить, чтобы он не свалился с койки.

– Каяться потом будешь, дело говори.

– Я и говорю, Никол! Выхожу на вокзале, злой как черт, трубы горят, в ресторане не налили, в буфете ни к кому не присесть, а тут она и подваливает: мужчина, мол, не желаете ли...

Он замолчал, Колька поторопил:

– Что за «она»?

– Да в том-то и дело! – зашипел Анчутка, с поправкой на его состояние это походило на крик – Лидка Лехнович это была, кровь из носу!

Пожарский сначала не понял:

– Лехнович, Лехнович... Что за?.. А, Андрюхина зазноба несчастная. Ты с чего взял, что она?

– Да говорю тебе, она. Я сначала не сообразил, а потом она что-то сказала – слышу: картавит. Вот и сложилось...

– Да быть не может.

– Она.

– Ей в тюрьме место, она же...

Анчутка шипел и плевался, как кипящая каша:

– Так у нас же все добренькие! Вот она и шляется!

– Погоди. Что дальше-то было?

Яшка покраснел, но все-таки гражданский долг победил.

– Ну, сговорились выпить при луне, потащились в сквер. Выпили...

Тут он снова замялся, Пожарский поторопил:

– Плевать на твой моральный облик. Дальше.

– А дальше ничего, – буркнул Анчутка, обиженный таким невниманием к самому интересному, – треснули сзади по чайнику, я брык...

– Хреново. Взяли что?

Яшка помялся, сообщил без охоты:

– Деньги-то выгребли, часы тоже забрали. Портсигар, шмотки... ну, мои-то оставили.

– А что, чужие были?

– Да по дороге сгоношил кой-чего... тебе-то что! Остальное все на месте... Ой-ой! –

Яшка откинулся на подушку.

Колька подал ему воды:

– Ну почему сразу Лидка-то? Ты толкуешь про раскрасавицу, а я помню – она ж никакая.

– Ну да, – промямлил Яшка, почему-то глядя в сторону, – моль бледная. Только все равно...

Анчутка не успел договорить, по коридору застучал ботинками Андрюха, и Яшка захлопнул рот, намертво.

Пельмень вошел, прислонил к стене носилки из медпункта, доложил:

– Значица, так, старушенция послала к лешему и сказала: нет свободных карет, сами дотащите. Во, достал транспорт.

Яшка начал было снова артачиться, но Андрюха слов не тратил: пошарив по комнате, нашел более или менее свежую одежду, передел приятеля в чистое. Деликатностью Пельмень никогда не отличался, на стоны и охи не реагировал, поэтому к тому времени, как он закончил переодевание, Анчутка был уже в обмороке.

Колька спросил:

– У Натальи нашатырь спросить?

– А на пса? – флегматично спросил Пельмень. – Меньше шума от него будет. Ну, раз-два, взяли.

И, погрузив бесчувственного Яшку на носилки, они поволокли его в медучреждение.

Глава 2

На следующий день было много работы, после сговорились с Олей сгонять в «Художественный». Вроде бы живи и радуйся, но душу Кольки грыз червяк какой-то, то есть мучило беспокойство за Яшку.

Казалось бы, с чего – мало ли он по чану получал за жизнь свою бестолковую? Да и в больнице сказали: ничего страшного... то есть фельдшер в приемном покое, новенький, пухловатый, в очень сильных очках, добродушный, вот он сказал. А что сказала Маргарита – неизвестно, Кольку прогнали домой, а Пельмень, как его ни гнали, не пошел никуда, остался ждать главврача. У Шор там кто-то пытался от аппендицита загнуться, с программой этой она была не согласна.

В общем, Колька ушел, и что там с Яшкой в итоге, не знал.

Теперь вот сидят они в темном зале, смотрят картину, Ольга как бы невзначай, пользуясь мраком, положила голову на плечо, можно в любой момент повернуться и поцеловать.

А сомнения все гложут.

Запросто можно предположить, что Яшка врет, как ни раз было. Да и невозможно это – получивши по затылку, не окочуриться там же, а приехать домой, отчитаться о командировке. Между прочим, заведующий Эйхе, когда не в настроении, докапывается до малейшей, до самой пустяковой бумажки.

«Да и откуда Лехнович-то взяться?»

Когда в последний раз она мелькала в районе, уже тогда стало известно, что братишка ее – вор, подлец и психопат, что сама – спекулянтка и продает краденое, да чуть не с покойных ребятишек, мамаша их... там вообще такое болтали, что не к ночи вспоминать. И тут, пожалуйста, Лидка запросто гуляет по столице – странно.

Тут выяснилось, что давно пора хохотать, и Оля даже ткнула под ребро: разделяй всеобщую радость. Разделил. Поржал. Снова задумался.

И, дождавшись конца фильма, Колька попросил Ольгу подождать, а сам поскакал к телефонной будке. Там, по счастью, только один калека в шляпе поскрипел с кем-то насчет каких-то «отчетиков» и освободил плацдарм. Пожарский набрал номер телефона больницы, дежурная медсестра, хорошая знакомая, сразу поняла, что к чему, и огорошила:

– На этот раз не шутки, получил Яшка наш как следует. Маргарита Вильгельмовна чуть из операционной вышла, как глянула – и тотчас вызвала скорую из Склифосовского.

– Что, все плохо? – мигом осипнув, спросил он.

– Вот, что знала, все сказала.

Вот, значит, как.

Колька прикинул: отсюда до Колхозной не так уж далеко, не сгонять ли? Но тут Оля постучала в стекло:

– Ты что там, прописался? – И, увидев его физиономию, немедленно всполошилась: – Что? Что?! С мамой? С папой?! Да говори ты!

Пришлось уже ее успокаивать, объяснять, в чем дело, – само собой опустив все, что могло очернить Яшкин светлый облик. В итоге получилось кратко и с юморком. Оля вроде успокоилась, хотя и сомневалась, не рано ли.

– Как легко ты об этом болтаешь. Все-таки не шутка. – Она прищурила глаза: – Или снова кто-то крутит и не договаривает?

– Нет-нет, – открестился опытный Колька и просто сменил тему. Он решил: «Ладно, за несколько часов ничегошеньки не случится, просто... ну да, провожу домой и сразу же на электричку, успею как раз».

Маневр удался, Ольга оттаяла и болтала всю оставшуюся дорогу о кино, работе и прочем вечно интересном.

Добрались до дома, там пришлось еще потерять время, потому что ни мамы, ни Палыча почему-то не было. Потом выкручиваться, выдумывая причины, по которым никак нельзя было посидеть еще, отведать борща. Предложение было заманчивое, но надо было бежать.

Колька спешил на станцию, на ходу соображая, где заночевать в Москве. Ведь пока туда-сюда, последняя электричка уйдет, а к родителям среди ночи не завалишься – сразу попытаются все, начнут нервничать. Ни к чему.

До платформы оставалось всего ничего, пять сотен метров, тут глаз и зацепился за что-то эдакое. За непорядок. На обочине дороги, которая шла на «Летчик-испытатель», под погасшим фонарем стояла незнакомая машина, и в салоне теплился полуобморочный свет.

Одна нога продолжала путь к станции, вторая уже направлялась к автомобилю. Колька, глянув на часы, прекратил раскоряку: «Десять минут до поезда, успею».

Что за машина такая? Просто безумно прекрасна. Довелось видеть разное трофейное барахло, бывало и красивое – но эта была именно прекрасна.

Темно-гнедая, «крылья» – обводы воронные, длинная, низкая-пренизкая, как легко представить, как она летит-стелется по дороге. Колька, любуясь, обошел это чудо, удивился, что задних сидений вроде бы нет вовсе, а стекла на небольших окошках с сюрпризом, через них ничего в салоне не видно, только свет пробивается.

Колька, приблизившись к водительскому месту, благоговейно постучал пальцем по показной крыше:

– Товарищ, непорядочек у вас...

И замолчал, потому и так понял, что порядочком и не пахнет. Пахнет кожей, сыростью, пьяным и прокисшим, каким-то дамским духом.

На передних сиденьях, широких, как тахта, лежал человек. Большой, подумалось сразу: «Как лось такой сюда поместился-то». Хорошо одет, в гражданское, брюки с искрой, белая рубашка, рукава задралась, руки согнуты в локтях и торчат вверх, пальцы скрючены. Колька, обогнув машину, открыл пассажирскую дверь – вывалилась голова, запрокинулась, повисла, болтаясь на длинной шее, челюсть отвалилась. Может, хапнув судорожно воздуха, человек и пришел в себя, начал дрыгаться, постарался повернуть голову – и вскрикнул.

Колька попытался его усадить, но бугай, раз вывалившись, обратно не заталкивался. Пришлось перехватить за под мышки, выволочь и уложить на землю. А тут вдруг фонарь, точно спохватившись, вспыхнул. Человек открыл глаза, кровяно-красные:

– Ты... кто?

– Шел мимо, – кратко доложил Колька.

«Ух ты. И у этого голова разбита, но в другом месте, над ухом. Хороша опухоль, багровая, уже почти черная, и переползает синяком на лицо».

Дядька мучился и от боли, и от любопытства:

– А эта где... – Он попытался осмотреться, пошевелил головой – и снова крикнул.

– Вы бы не дергались, – предложил Колька.

Но тот все жмурился и хрипел:

– Уйди, пацан. Слышь?

– Ага, щаз.

«Так, а что ж делать-то? Пытаться перевязать? Ну как если сломано что? Бежать к телефону, оставить его так – а ну как помрет тут? А если вообще того... придут добивать?» Кто это такой – неведомо, морда незнакомая. Хотя таких полны газеты. Лет сорока, выбрит, кормленный и холеный, даже сейчас от него одеколоном несет, рубашка аж хрустит. Вот только расхристанный: ни запонок, ни часов... Часы.

Вспомнился Яшка. Колька глянул: время поджигает, вот-вот уйдет последняя электричка. Как поступить-то?

Фонарь проклятый, утомившись, вспыхнул и погас, что не прибавляло ясности.

– А что это вы тут делаете? – неслышно спросил кто-то, чиркая зажигалкой. Колька первым делом узнал это щелканье, потом, с облегчением, – того, кто щелкал:

– Сергей Палыч. Выручайте.

Акимов начал было:

– А что... – но сам все увидел и лишь присвистнул.

– Вот именно. Что делать-то?

– Посвети на лицо.

Колька послушался, Акимов осторожно раскрыл пострадавшему веки, глянул: «Черт. Разные зрачки. Или кажется – а, неважно».

– Туши свет, – сняв плащ, Сергей свернул его в валик, подsunул лежащему под шею, – звони ноль три.

Тут «живой труп» пришел в себя и, странное дело, принялся скандалить, то есть шипел и плевался, будто лопнувший баллон:

– Тише вы! Никаких... нет!

Палыч сказал:

– К врачу надо, товарищ Славин.

– Я дам – «к врачу»! Дичь!

– У вас затылок разбит. Опухоль – во. И что там у вас в голове – простите, неизвестно.

– Акимов, ты... – Тут стукнутый закашлялся, дернулся и снова вскрикнул.

– Владимир Саныч, прекратите. – Палыч повторил, обращаясь к Кольке: – Марш!

– Стоять!

Пожарский деликатно спросил:

– Так что делать-то, граждане? Бежать или стоять?

Славин проговорил, уже без шипений и крайне отчетливо:

– Акимов, Люба узнает – я тебе сам шею сверну.

Палыч, совершенно спокойный, уже шарил по чужой машине в поисках аптечки, рассеянно спросил:

– А она что, разве вернулась?

Славин сменил тон, можно сказать, взмолился:

– Сергей, будь человеком! Еле простила, в распоследний же раз! Завтра приезжает... – Он заскреб пальцами по земле, пытаясь подняться, даже кое-что ему удалось. – Помогите до дома добраться – и тебе проще, и мне будет. Серега, будь человеком.

Колька, откашлявшись, напомнил о себе:

– Сергей Палыч, я не нужен? Мне в центр надо.

– Беги, пацан, – разрешил побитый, но добрый Славин. Он уже восстал из пепла, то есть сел на земле. Здоровенный мужик, даже когда сидит, заметно. Колька глянул на часы – последний поезд через пять минут:

– Сергей Палыч?

Акимов колебался. Славин уже всю пытался встать, разве что шею держал с опаской – но держал ведь. Вот разве что когда фонарь вновь очнулся и вспыхнул, Славин машинально глянул вверх – и снова чуть не рухнул, но, применив матерное заклинание, устоял. И уже взмолился чуть слышно:

– Серега. Пощади. – И так отчаянно смотрел глазами с одинаковыми зрачками. Вроде бы с одинаковыми... В общем, Акимов сдался. Или сжалился.

– Иди, Николай, свободен.

«Спасибо, что не “гуляй”», – Колька видел, что не поспевает, но решил попробовать и пустился бежать.

Как только Пожарский скрылся из виду, Славин снова обмяк, повалился на землю, одной рукой поддерживал голову, второй хлопал по штанине, бормоча:

– Грязь, изважюкался весь, ох и попадет мне.

Акимов, вздохнув, закинул его руку себе на плечи, помог подняться.

– Володя, боюсь за тебя.

– А ты не бойся. Что нам... не впервой. Ох.

– Дойдешь?

– Мы пойдем потихоньку, пойдем и обязательно того... доберемся. По чуть-чуть. Серега, дай отдышаться.

Акимов усадил его на кресло в машину, спросил:

– Что стряслось-то?

Славин нырнул вниз всем телом, но удержался и только все тыкал и тыкал рукой:

– Там... Серега... аптечка.

Акимов вынул из аптечки нашатырь, откупорил, поднес, предупредив:

– Головой не тряс.

– О-о-о-ох, не буду, – пообещал, оживая, Славин. – Что случилось... а то сам не видишь.

Он прикоснулся к затылку и тотчас одернул руку, выдал долгое матерное ругательство, помянув некую стерву.

– А, – с пониманием протянул Акимов.

– Не то слово. Любушка с гастролей должна была сегодня вернуться, а там дополнительные концерты, что ли. Проторчал на вокзале, как дурак, злой, ну и завернул в ресторан нервы успокоить. А там одна. Хор-р-роша, стервь! Вот веришь ли...

Он принялся рассказывать, как умел только он, военкор – то есть вкусно и в отвлеченных, неконкретных деталях. Верный муж Сергей перченное пропускал мимо ушей, усвоил лишь то, что блондинка, а к этой разновидности дам он и до брака был равнодушен.

– И главное, понимаешь ли, одета простенько, а детальки – ну перчаточки, вуалька такая, а говорит! Ох. Такое, понимаешь ли, породистое картавенькое «р», как кошка мурлыкает... да.

– Ну-ну.

Славин, ободрившись, подхватил:

– Понимаешь, ага?

Сергей ничего не понял, но заговорщицки «угукнул». Славина он знал давно и хорошо, и не только по публикациям. Глупо было и ожидать от него конкретного словесного портрета той, по чьей вине он оказался с разбитым затылком, в расхристанном виде, без запонок, часов и верхней одежды.

Володя Славин иссяк наконец и горестно завершил свою донжуанскую эпопею:

– ...Шампанского выпили, коньячку, ну а как я к ней тут, в машине, туда-сюда, она мне сверху и тюк бутылкой.

– Может, все-таки подашь заявление? От такой всего можно ожидать.

– Ни-ни. Ни за что. Бебехи все эти – да пусть подавится, а если Люба узнает, что я опять... а ведь только простила. Нет, Серега. По-дружески прошу, ни звука!

Акимов все попытался вразумить:

– К врачу бы тебе. Удар сильный.

– Холодного приложить – и само пройдет. Или слу-у-у-шай, – тут красные глаза зажглись от вдохновения, – давай поссоримся с тобой, и ты меня вроде бы того, треснешь... а?

Сергей вежливо отказался.

– Ну нет так нет, а то было бы красиво, по-гусарски.

– Что пропало-то?

– Пес его... бумажник вроде пропал. Черт, ксива... Серега, отвези домой? Что, машину тут бросать?

– Нет. Я и нормальные машины не вожу, а тут такая коробчонка.

Славин обиделся, забормотал что-то о двигателях, клапанах и передачах, но Акимов прервал:

– Пешком. Я помогу.

Они и пошли.

...Ну а Кольке последняя электричка в центр показала красный хвост. Хотя он уже не особо переживал – остыв, он решил, что нечего сепетить. Яшка в любом случае под присмотром, в Склифосовского и не таких откачивали, а что Колька сделает лучше врачей? То-то и оно.

В общем, Колька развернулся и пошел к спуску с платформы. Причалил и отвалил поезд в сторону области, и вдруг сзади застучали каблуки. Какая-то гражданка собиралась куда-то идти одна по темени, ну Колька и глянул – не проводить ли.

Посмотрел – и чуть не подавился. Потому что перед ним маячила бледным мороком Лехнович.

Вот это номер. Идет себе с чемоданчиком. Плащ эдакий, ботиночки, перчаточки, и выступает – ну что твоя фифа на улице Горького, которые в шляпках с вуальками да с дурацкими плоскими зонтиками.

Лехнович без интереса глянула на Кольку, чуть сморщила белый лоб, как бы припоминая, узнав, кивнула и пошла себе. Ну а поскольку дорога одна, пошел и Колька, а поскольку у Кольки шаг шире, то вскоре и они поравнялись. Молчать было невежливо, он и спросил:

– Ты снова к нам?

– Да, на фабрику.

Вот оно что. Колька припомнил: за чаем мама Вера что-то говорила, и Ольга сегодня болтала: на фабрике очередной договор на соцсоревнование, подписать подписали, а работать некому. Очень большая текучка кадров, в райкоме уже был разговор.

– Что Максим, жив-здоров?

Она вежливо спросила:

– Кто это?

Колька напомнил:

– Твой брат, Максим.

Она сухо заявила:

– Я сирота.

– Вот как, – глупо сказал парень и замолчал.

Прошли перекресток с дорогой на «Летчик-испытатель», Колька глянул: машина на месте, но свет уже в салоне не горит, и никого рядом не было.

Шли дальше молча, по сторонам дороги сгущалась поросль, потянуло сыростью. Лидка поежилась, подняла воротник – и Кольке почудилось, что еле-еле, чуть заметно, но несет от нее чем-то не тем. Тянет от нее вроде бы вином и духами. Что за запах странный: горечь, сладость и почему-то чудится гнильца, как от забродивших яблок. Вроде противно должно быть, а хочется еще раз вдохнуть... тут как раз дошли до развилки, где дорога шла на фабрику, и Колька с облегчением распростился.

«Нагрянула, беда бледная. Интересно, каково это Андрюхе будет».

Глава 3

Помнится, день начинался замечательно – как всегда, когда руководство в отлучке. К тому же Остапчука очередь сидеть на приеме, так что с утра можно было заниматься текучкой.

Сергей уж который раз приступал к этой самой текучке, надеясь, что нагрянет муза и дела отпишутся сами. Не нагрянула, не отписались, а хладнокровно копились. Текучка укоризненно возвышалась на столе, вальяжно развалилась на подоконнике, приходилось стыдливо задвигать занавески. Сергеевна собралась как-то и у них помыть окна, но не решилась, честно признав:

– Боюсь.

– Чего боишься-то?

– Мишки осиротеют, – пояснила Катька, – завалит жену и мать.

Акимов, как честный человек, был готов признать: «Великовата стопка». Все это надо проверить, дописать то, что не дописано, подшить (только не это), увязать для архива... черт, там какой-то новый циркуляр по архивам, что там?

Сергей подогрел чаю для всех, достал упомянутые бумажки, принялся образовываться. «Организация делопроизводства строится на принципах социалистической экономики, единообразия, унификации, упрощения... о-хо-хо». Непросто будет всю эту кипу по правилам отписать.

Когда занят целый день, как-то внимания не обращаешь на всю эту канцелярию, а как голову поднимешь – матушки мои, откуда столько навалилось!

«...Так. “Контроль сроков документов”. Черт», – эти два слова – «контроль» и «сроки», а там еще ниже абзацем что-то про «ответственность».

«Так-с. Труд, труд и труд», – Сергей потер руки и направился перекурить.

Хорошая погодка стоит, необычно теплая, как в июне. Поднимает настроение и навеивает игривые мысли, хочется радоваться жизни и беззлобно шутить. Проходя мимо кабинета Введенской, он услышал за дверью некий гвалт, остановился полюбопытствовать.

Сергеевна со спокойствием, которое предвещает обычно вопли, спрашивала:

– ...должна же быть какая-то причина. Если без причины, то это очень плохо.

Ответа нет.

– Мне что же, тебя на учет ставить?

Заговорил мальчишка, уже с ломким голосом:

– Валяйте, ставьте, мне-то что за дело?

– Так в управлении благоустройства так и требуют, чтобы тебя по всей строгости, – втолковывала Введенская, – по твоей вине тут полплощади синие!

Акимов понял: вот оно что, нашли диверсанта. С неделю назад выехал один на поливальной машине, а из нее на центральную площадь пролились синие струи. Все поглубело – и мостовая, и новые побеленные стены, и пол-Ильича по касательной задело. В цистерне оказалось полно синьки. Вымывали цистерну, да так и не вымыли, списали все в утиль. Шоферу впаляли полную матответственность и последнее китайское предупреждение: еще раз подобное случится – и вышвырнут по собачьей статье. Тот потел, блеял, клялся, что невиновен, как новорожденный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.